

Михаил САДОВСКИЙ

Родился в городе Богородске Нижегородской области. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского госуниверситета. Преподаватель высшей категории.

Инициатор и организатор поэтических турниров и фестивалей студенчества. Ведущий и организатор фестивалей и творческих акций «Библионочь», «Ночь искусств». Ведущий городской акции «Читающий Нижний».

Печатался в «Литературной газете», «Литературной России», «День литературы», альманахах «Академия поэзии», «Вселенная Учитель», журналах «Невский альманах», «Нижний Новгород».

Живет в Нижнем Новгороде.

«У НЕПОВТОРИМОГО НЕТ ВТОРОГО»

130 лет со дня рождения Марины Цветаевой (1892–1941)

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта – далеко заводит речь.

Литературный критик Алла Киреева, возлюбленная супруга поэта Роберта Рождественского (более четырех десятков лет они счастливо прожили вместе), откровенно и не без искренней запальчивости в публичном пространстве решительно высказалась: Евтушенко и Вознесенский спорили, кто первый поэт современности, а первым оказался Высоцкий.

Да, есть у поэтов (и их читателей, конечно) некая национальная забава: непременно мериться поэтическими мышцами, то бишь назначать себя первым в известной им поэтической вселенной. Иногда называют это звездной болезнью.

Понятно, поэты при жизни соперничают, часто ссорятся, а порой и ругаются. В то время как после земной жизни им предстоит мирно сосуществовать в небесном дружестве таинственной атмосферы знатных библиотек. Утишаются прижизненные споры. Нежная тишина ангельски воцаряется на книжной полке. А там уже только читатель честно определяет судьбу поэта: куда потянется читательская рука или читательская душа.

Однако если уж исповедовать спортивный иерархический принцип в применении к литературным достижениям, то смею утверждать: Марина Цветаева (заметьте: не поэтесса, а поэт – именно так именovala она себя!) – поэт № 1 на всем русском литературном небосклоне поздней

послепушкинской и послетютчевской золотой эпохи. (Да простит мне читатель слепое следование изыскам делового языка – нумерации – в разговоре о высокой поэзии.) Ну а раз уж русской поэзии (поверьте!), то, стало быть, и мировой. И спорить здесь не будем. Кажется, не о чем. Априори.

Некогда в стихотворении, посвященном Александру Сергеевичу Пушкину, у меня начертались следующие строки:

У каждого времени свои поэты,
но есть поэты на все времена.

Своеобразное испытание современностью и ещё более строгое испытание временем суждено пройти каждому поэту. Но не каждому дана возможность успешно сдать сей единый экзамен...

Марина Цветаева – поэт на все времена.

И опять вне сомнений и спора. К замечательной пушкинско-моцартовской плеяде, что причислена к лику бессмертных, бесспорно принадлежит и Марина Цветаева.

Марина Ивановна Цветаева родилась 8 октября (26 сентября) 1892 года в Москве.

Отец Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, филолог, искусствовед, музейщик, навсегда вписал свое имя в историю причастностью к рождению двух почти равновеликих явлений русской и мировой культуры – великого поэта Марины Цветаевой и грандиозного Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). В «Автобиографии» Цветаева пишет: «Мать – Мария Александровна Мейн – страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет».

Иван Владимирович был старше супруги на 22 года. Нежная любовь и забота друг о друге сопровождали их теплые семейные отношения. Через два года после Марины на свет появилась ее сестра Анастасия. Удивительно высокая атмосфера добра и любви царила в семье.

Такая семейная атмосфера позволила Марине в 3 года научиться читать, а в 4 – писать. С 6 лет Марина уже сознательно сочиняет стихи. Раннее чтение и каждодневное занятие музыкой развило в Цветаевой богатое воображение. Всестороннее домашнее образование подарило большие знания. Книги, сказки, стихи, музыка. Райски счастливое детство. «Детство – лучше сказки». В 1906 году, когда Марине было 13 лет, а Анастасии 11, Мария Александровна после длительной и смертельной болезни – туберкулеза – умирает.

Пережить страшную трагедию помогали музыка, стихи, книги, поддержка отца.

Напряженный и упорный труд уже через четыре года позволит Марине издать стихотворный сборник «Вечерний альбом» – своеобразный лирический дневник, книгу о волшебстве детских, отроческих и юношеских впечатлений. В сборнике представлено 111 стихотворений. Юношеский круг тем отражен в названиях глав сборника: «Детство», «Любовь», «Только тени».

Книга вызвала достаточно широкий отклик маститых литераторов – М. Волошин, Н. Гумилев, В. Брюсов, М. Шагинян...

Максимилиан Волошин в газете с миллионным тиражом «Утро России», отметив неопытность автора, пишет, что книгу «нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности». Волошин увидел главное в поэте: «Автор владеет не только стихом, но и четкой

внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг».

Николай Гумилев был еще более доброжелателен в оценке «Вечернего альбома»: «Марина Цветаева внутренне талантлива, внутренне своеобразна... Слово “мама” почти не сходит со страниц... Многое ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новые темы, например детская влюбленность; ново непосредственное бездумное любование пустяками жизни... Здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга – не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов».

Весьма сдержан в своих оценках был строгий поэтический референт Валерий Брюсов, но зато он замечает одну из важнейших особенностей творчества Цветаевой: «Не боясь вводить в поэзию повседневность, она берет непосредственно черты жизни, и это придает ее стихам жуткую интимность».

Максимилиан Волошин не только напишет добрую статью о книге, но и, ошеломленный впечатлением от стихов, явится к Цветаевой домой в Борисоглебский переулок. Он подарит статью, с которой Марина еще не успела ознакомиться, и пригласит к себе в крымский поселок Коктебель – традиционное место встреч творческих людей – художников, поэтов, прозаиков, философов...

Приезд в Крым станет поистине судьбоносным в жизни Цветаевой. Здесь в 1911 году она встретит своего будущего мужа – Сергея Яковлевича Эфрона. Впервые увидев Сергея, признавалась Цветаева, обмерла: «Ну можно ли быть таким прекрасным?! Когда взглянешь на такого – стыдно ходить по земле». А когда оказались вместе на крымском пляже и перебирали морские камешки, Марина загадала: если Сергей найдет ее любимый сердолик, то она выйдет за него замуж. Чему и суждено было случиться.

Им, рожденным в один день с разницей в один год, ничто не помешало обвенчаться. Напряженно натянутая цветаевская тетива направляет острую лирическую стрелу и навсегда пронзает сердце читателя.

Говорят, трудно быть женой поэта, но куда сложнее быть мужем поэтессы. Сергей пока этого не осознает, не понимает, какие серьезные испытания дарует ему судьба, какие трудности ждут его впереди. Пока они вместе, дуэтно издают собственные книги в придуманном ими издательстве: Сергей – книгу прозы «Детство», Марина – сборник стихов «Волшебный фонарь». Счастье семейной жизни переполняет их.

Он стойчески перенесет все невзгоды семейной жизни. Сделает так, что Цветаева, несмотря на все свои многочисленные увлечения, собственные человеку творческого склада, всегда будет трепетно тянуться за Сергеем, преодолевая долгие разлуки, дальние расстояния, унижительно нищету и нескончаемые невзгоды. Сергей сразу понимает феноменальную лирическую силу Цветаевой-поэта.

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святылище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти, –
Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Поэт Всеволод Рождественский емко сформулировал: Цветаева – «поэт предельной правды чувства».

Стихи ее – это всегда мятущаяся душа, находящаяся в неустанном поиске истины и любви. Стихи словно оголенные нервы, которые «вбаливаются в любовь».

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

Проза Цветаевой – это всегда своеобразное уникальное продолжение поэзии. К ее прозе нельзя подходить с исключительно прозаическими мерками, ибо проза Цветаевой – это всегда стихи, верней – высокая поэзия.

Поэтической вершиной исповедально-лирической прозы является совершенно эверестовая вещь – «Повесть о Сонечке». Некоторые литераторы даже вносят повесть в список пяти лучших произведений мировой прозы. А это значит, что небольшая по объему «Повесть о Сонечке» стоит в одном ряду с четырехтомной «Войной и миром» (в любом списке на первом месте расположится русский шедевр Л.Н. Толстого). Не будем спешить с признанием пьедестальной точности такой характеристики. Однако заметим (пусть и посчитается такое суждение моим сугубо субъективным взглядом): «Повесть о Сонечке» – развернутое лирическое стихотворение или совершенно не знающая аналогов в русской литературе поэма, поэма о любви.

Цветаевская неудержимая б е з м е р н о с т ь и здесь явлена во всей своей полноте. Как, впрочем, и во всем, что она создает.

А сейчас призываю читателя провести вместе со мной творческий эксперимент, который, как мне кажется, еще никогда не проводился. Как при взлете самолета говорят: «Пристегните ремни». Только надо договориться с Вами, дорогой читатель.

Все, что написала Цветаева об избранном авторе, мы с Вами отнесем к творчеству ее самой. Потому что такова суть всех высказываний Марины Цветаевой. И это, видится, вполне доказуемо. Так, оценивая творчества Валерия Брюсова, она свои представления о поэзии мэтра вкладывает в прокрустово ложе своего понимания творчества: «Есть поэты – волшебники в каждой строчке. Их души – зеркала, собирающие все лунные лучи волшебства и отражающие только их. Не ищите в них ни пути, ни этапов, ни цели. Их муза с колыбели до гроба – принцесса и волшебница. Не к ним принадлежит Брюсов». Цветаева в целом отказала Брюсову в волшебстве, хотя прощает поэтическому мэтру эстетические просчеты только за то, что «в его руках когда-то сверкал многогранный алмаз волшебства». Это себе, своему творчеству присваивает Цветаева утверждение-характеристику: «Есть поэты – волшебники в каждой строчке».

Слово «волшебство», словно конфетти, буквально рассыпано в стихах Цветаевой. Она описывает волшебство, искусно передает состояния волшебства, может назвать стихотворение «Волшебство» или даже книгу не иначе, как «Волшебный фонарь».

Каждый образ Цветаевой – неременное явление волшебства.

Ей присущ волшебный поэтический темперамент и неповторимое волшебство темперамента.

Да и само волшебство явлено всей поэзией Марины Ивановны Цветаевой. Словом, поэт Марина Цветаева – «волшебник в каждой строчке». Все, конечно, так, но для этого нам понадобилась статья самой Цветаевой. Оказалось, дорогой читатель, наш с Вами творческий эксперимент удивительно работает, оправдывает себя.

Чтобы лучше понять Цветаеву, надо всего лишь внимательно прочитать ее высказывания о другом авторе.

На небольшом примере мы с Вами смогли легко убедиться в верности невольного цветаевского приема: говоря о возлюбленном авторе, Цветаева говорит о себе. В статье о Бальмонте Марина Цветаева снова находит общность характеристик:

«Беспутный – ты, Бальмонт, и беспутная – я, все поэты беспутные, – своими путями ходят. Есть такая детская книжка, Бальмонт, какого-то англичанина, я ее никогда не читала, но написать бы ее взялась: – “Кошка, которая гуляла сама по себе”. Такая кошка – ты, Бальмонт, и такая кошка – я. Все поэты такие кошки».

Однажды Марина Цветаева сама признала в себе «многопоэ́тство»: «Я – много поэтов, а как это во мне спелось – это уже моя тайна». И это высказывание убедительно показывает правильность избранной нами экспериментальной линии.

Поэтому продолжим наш необычный творческий эксперимент познания особенностей творчества Цветаевой через прочтение ею других поэтов.

На этот раз возьмем статью Цветаевой «Световой ливень», посвященную Борису Пастернаку. Теперь я попрошу Вас, драгоценный читатель, поступить немного проще: фамилию Пастернак, продолжая наш эксперимент, беспощадно заменить на фамилию Цветаева.

И нам во всей красе предстанет достоверная характеристика творчества великой Цветаевой: «Пастернак – большой поэт. Он сейчас больше всех: большинство из суших были, некоторые есть, он один будет. Ибо, по-настоящему, его еще нет: лепет, щебет, дребезг, – весь в Завтра! – захлебывание младенца, – и этот младенец – Мир. Захлебывание. Пастернак не говорит, ему некогда договаривать, он весь разрывается, – точно грудь не вмещает: а – ах! наших слов он еще не знает: что-то островитянки-ребячески-перворайски невразумительное – и опрокидывающее. В три года это привычно и называется: ребенок, в двадцать три года это непривычно и называется: поэт. (О, равенство, равенство! Скольких нужно было обокрасть Богу вплоть до седьмого колена, чтобы создать одного такого Пастернака!)»

Здесь правоту и справедливость наших экспериментальных ухищрений докажут адресованные Пастернаку цветаевские признательные строчки:

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномогущ.

В мире, где всё –
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты – равносущ

Мне.

Конечно, Пастернак и Цветаева при всей общности творческих устремлений абсолютно разные.

В то время как Пастернак, решительно отрешившись от беспощадной сущности действительности 1917 года, многозначительнейше вопрошал: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?», Цветаева, столь же

умевшая глубоко погружаться в счастливые просторы собственного богатого воображения, охватывала поэтическим взором и настойчиво пыталась осмыслить исторические события и понять суровые реалии жизни:

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!

Близорукая Цветаева всегда наводит на резкость поэтическую оптику, с присущей ей афористичностью рельефно выявляет суть происходящего. Стихотворение, написанное более ста лет назад, и сейчас звучит современно и как никогда актуально.

Не надо забывать и то, что такое глубинное постижение важных революционных событий XX века осуществлено Мариной Цветаевой в 24 года. И это кажется невероятным.

А как современно и актуально звучат сегодня божественно сильные строки стихотворения «Лучина», написанного в хваленой Европе:

До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Безумно завидую тем, кто еще не прочитал Цветаеву, но непременно прочитает.

Словом, молодым. Тем, кому предстоит открыть удивительный космический мир литературы Марины Цветаевой и испытать то счастливое ошеломление, которое мне довелось испытать в пятнадцать лет, когда впервые прочитал стихотворение. И навсегда был очарован. Влюбился в этот невероятный волшебный мир творчества Марины Цветаевой так, что он уже никогда не отпускал меня. Примите бесценный подарок, друзья!

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, –
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

В начале заметок я назвал Цветаеву поэтом № 1. Боязнь, что Вы, дорогой читатель, вдруг не доверитесь мне, заставляет обратиться за поддержкой к признанным авторитетам. Авторитетное слово всегда весомее.

В письме к Цветаевой образно отозвался о ней Р.М. Рильке:

«Ты – большая звезда!»

«Я ставлю Цветаеву на высшую ступень – она с самого начала была сформировавшийся поэт. В эпоху косноязычия у нее был свой голос – человеческий, классический...» – высказался Борис Пастернак.

Другой нобелиат Иосиф Бродский, высоко оценивая свои версификаторские способности, искренне признавался, что может написать стихи слогом любого поэта, а вот цветаевский стиль ему не по зубам. Свое понимание творчества Цветаевой Бродский выразил без обиняков, конкретно, четко и предельно ясно:

«Цветаева – первый поэт двадцатого века».

Не будем, читатель, оспаривать нобелевского лауреата, а вновь обратимся к мнению Марины Ивановны Цветаевой и поймем, насколько она глубока в понимании поэзии и насколько афористична, словно кузнец выковал:

«Единственный не бывает первым. Первый, это ведь степень, последняя ступень лестницы, первая ступень которой – последний. Первый – условность, зависимость, в линии. Единственный – вне. У неповторимого нет второго».

Очевидно, равных ей нет. Итак, запомним.

Марина Цветаева.

Единственная. Неповторимая.

И вот еще, да. Непревзойденная. Аминь.